

Первым, кто не смог прийти в себя, был Чжоу Чэ. Он никак не мог предположить, что первый младший генерал Федерации, самый молодой генерал, окажется тем самым Альфой-дядей, о котором говорил Тун Цинхэ.

Инстинктивно он принял позу «смирно», отсалютовал и громогласно рявкнул:

— Приветствую, Генерал!

Цзян Шаочжи лишь мельком взглянул на него. Чжоу Чэ тут же неловко улыбнулся и, будучи крайне проницательным, незаметно удалился, оставив Тун Цинхэ и Цзян Шаочжи наедине.

Когда все ушли, Цзян Шаочжи протянул руку к Тун Цинхэ и указательным пальцем легонько коснулся его едва заметного кадыка:

— Все еще сильно болит?

Тун Цинхэ не умел лгать, и Цзян Шаочжи, не став больше спрашивать, взял маленького Омегу за руку и повел обратно в свою комнату.

Когда Альфа был в обычной тренировочной форме, его аура казалась более непринужденной, и Тун Цинхэ мог называть его «дядей». Теперь же на Цзян Шаочжи была парадная военная форма Федерации. Эполеты символизировали его выдающееся положение и статус. Даже такой неторопливый, как Тун Цинхэ, не осмеливался обращаться к нему фамильярно.

Поколебавшись, Тун Цинхэ уставился на их сцепленные пальцы и спросил:

— Мне теперь называть тебя Генерал?

Цзян Шаочжи, видимо, выпил: тонкий аромат алкоголя, смешанный с сандалом, окутал маленького Омегу, идущего рядом, и ввел его в состояние легкого опьянения. Он шел и, не удержавшись, врезался в плечо Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи приподнял лоб Тун Цинхэ, наклонился и пристально посмотрел:

— О чем ты задумался? Неужели из-за моего статуса ты хочешь отдалиться от меня?

Тун Цинхэ покачал головой.

Цзян Шаочжи сказал:

— Я твой законный супруг, — а затем добавил: — Я генерал, а значит, ты — законная супруга

генерала.

Альфа говорил без излишних эмоций, будто это было незыблемой истиной. Тун Цинхэ моментально вспыхнул.

Он крепко обнял рюкзак. Цзян Шаочжи не отпускал его руки. Едва войдя в комнату, он тут же позвонил по коммуникатору, чтобы принесли отвар и лекарства, четко дав указания. В этом уединенном пространстве в спокойных глазах Цзян Шаочжи поднялась буря. Он мгновенно поднял Тун Цинхэ, усадил его на кровать, слегка наклонился, и его палец, задержавшись, коснулся области вокруг глаз Омеги, погладил его губы и глаза.

— Прости.

Во время гона Цзян Шаочжи был в сознании, но не мог контролировать себя, как раньше. Ощущения от присутствия Омеги и от приема ингибиторов были совершенно разными. Это заставило Цзян Шаочжи не знать, как теперь смотреть в глаза своему Омеге.

Тун Цинхэ, выслушав извинения, лишь издал невнятное «Ах...» и даже сделал довольно наивное движение. Горло его все еще болело. Он скрестил ладони на шее, словно сдавливая ее, сглотнул, но боль не отступила.

Тогда он слегка коснулся ступней руки Цзян Шаочжи: — Выпей лекарство.

Он не стал упрекать Альфу за те четыре дня «зверств» и не винил его за нанесенные раны. Его янтарные глаза оставались спокойными и мягкими, словно две нежные звезды в ночном небе.

Цзян Шаочжи сглотнул и вдруг сказал: — Сейчас я хочу тебя поцеловать.

— Можно? — Не успел он договорить, как феромоны Альфы тихо разлились, пряный и сладкий сандал задержался у губ Омеги, сплетая нежную сеть. Феромоны подступали, испытывая, но не смея коснуться, ожидая разрешения Омеги.

Тун Цинхэ, колеблясь, уже собирался ответить «да», когда прибыл человек с лекарствами.

Он подумал, что нужно быстрее смазать горло лекарством. Отбросив мысль о поцелуе с Альфой, он выпустил феромоны. Освежающий жасмин радостно переплелся с сандалом. Он отвел взгляд и, чувствуя себя виноватым, сказал:

— Пусть они пока поиграют вместе.

На лице Цзян Шаочжи появилось выражение досады. Возможно, это была психологическая реакция на отвержение, но он почувствовал легкое раздражение к подчиненному, который

принес лекарства.

Пока Тун Цинхэ ел, Цзян Шаочжи смазывал его раны. На его коже оставались легкие синяки. Закончив с губами и шеей, пришлось расстегнуть одежду. В конце оставалось одно весьма неловкое место.

— Ноги... — Тун Цинхэ сжал бедра. — Я сам.

Омега считал неуместным так обременять другого, но Альфа воспринял это как то, что его Омега все еще ведет себя с ним отчужденно.

Когда Тун Цинхэ взял лекарство, чтобы смазать раны самостоятельно, он, как всегда, был полностью сосредоточен и не заметил, как феромоны Альфы обогнули его ноги, медленно поднялись от кончиков пальцев и остановились у той области, которую он смазывал.

Пальцы Тун Цинхэ дрогнули. Он поднял голову. Выражение лица Цзян Шаочжи было невозмутимо серьезным, но его глаза не отрывались от того места, куда он наносил мазь.

— Дядя...

Тун Цинхэ открыл лежавший рядом рюкзак, достал свою любимую книгу и вложил ее в руку Цзян Шаочжи: — Почитай.

И тихо добавил: — Не смотри на меня.

Цзян Шаочжи отложил книгу и, внимательно разглядывая Тун Цинхэ, впервые ощутил сильное желание узнать человека досконально. Он мог бы приказать своим Альфам найти досье Тун Цинхэ, и получить информацию очень быстро, но Цзян Шаочжи хотел сам познать своего Омегу.

Он спросил: — Как ты выглядел на самом деле?

Тун Цинхэ потрогал свое лицо, не находя слов для описания.

Цзян Шаочжи спросил: — Фотографий нет?

Тун Цинхэ покачал головой: — Дома есть, а в коммуникаторе нет.

Цзян Шаочжи выразил легкое сожаление. Это заставило невозмутимого маленького Омегу немного забеспокоиться. Он перестал мазать лекарство и, настойчиво спросил:

— Дядя, тебе не нравится мое нынешнее лицо? Оно правда такое некрасивое?

Цзян Шаочжи вовсе не это имел в виду. Лицо Тун Цинхэ, хоть и было непримечательным, никак не было некрасивым. К тому же, в их первую встречу решающим было вовсе не лицо.

Тун Цинхэ объяснил: — Когда я уезжал, сестра нашла человека, чтобы замаскировать меня под Бету. Чтобы вернуть свое прежнее лицо, нужно снова найти того человека. — Он снова подчеркнул: — Дядя, я правда не некрасивый.

В уголках глаз Цзян Шаочжи появилась легкая, нежная улыбка. Он наклонил голову Тун Цинхэ и оставил на его губах мимолетный, легкий поцелуй:

— Развиваем отношения.

Тун Цинхэ проглотил все, что хотел сказать. Они были законными супругами, распределенными государством. Развитие чувств было важнее всего.

Цзян Шаочжи клевал губы Тун Цинхэ снова и снова. Его палец внезапно переместился на тонкую шею сзади, слегка опустился и коснулся края железы.

Железа — чувствительное и интимное место Омеги. Тун Цинхэ тихо вскрикнул и попытался повернуть голову, чтобы увидеть, что делает Цзян Шаочжи. Следом железа ощутила влажное прикосновение. Тун Цинхэ, словно пораженный молнией, застыл в объятиях Альфы. Жасминовый аромат заволновался, метался, концентрация феромонов взлетела, наполняя комнату благоуханием.

Губы Альфы прижались, и вскоре железа полностью увлажнилась.

Цзян Шаочжи сдерживал порыв укусить, его дыхание опалило покрасневший кончик уха Тун Цинхэ:

— Хочу поставить тебе метку.

<http://bllate.org/book/4/72>